

ФЕОФАНА НОВГОРОДСКАЯ

Послесловие диакона Григория в Апракосном Евангелии, завершённое 12 мая 1057 г., упоминает посадника новгородского Остромира и его супругу Феофану (рис. 1).¹ Кем была эта Феофана? Вопрос, не привлекавший доселе внимания исследователей.

Несколько замечаний об Остромировом Евангелии,
расходящихся с некоторыми распространёнными мнениями
о памятнике

Положение об изготовлении рукописи Остромирова Евангелия (ОЕ) в Киеве весьма сомнительно, больше фактов говорит в пользу Новгорода как места переписки.² Нет основания соглашаться с мнением, что исполнители миниатюр подражали образцам западного, каролингского и оттонского, книжного искусства, что якобы особенно четко наблюдается в чуждом византийским рукописям типе изображения символов евангелистов по верхним углам миниатюр.³ С конца XI—XII в. сохранилось несколько византийских рукописей с миниатюрами, на которых символы евангелистов расположены так же, как на миниатюрах ОЕ.⁴ Знаменательно тут лишь то, что миниатюры этого типа в ОЕ древнее известных нам византийских. Новгородский памятник является, таким образом, существенным, быть может, почти начальным звеном развития этого типа иконографии евангелистов.

Тот факт, что изображения евангелистов Луки и Марка были написаны на одинарных листах (л. 87 об., л. 126), указывает, что миниатюры были исполнены независимо от рукописи, в которую затем были вшиты.⁵ Поэтому пустыми оказались предназначавшиеся для этих евангелистов на л. 57 и 125 страницы. Только евангелист Иоанн с Прохором помещены на своем месте, на обороте 1 листа (рис. 2), что можно

¹ Остромирово Евангелие 1056—1057 года. Факсимильное воспроизведение рукописи. М., 1988. Л. 294 об.

² Кроме сказанного ниже, на это указывает знакомство автора Послесловия диакона Григория с послесловием 1047 г. попа Упыря Лихого, что подробно обосновал Е. Мельников (Зап. древнерусских книжных писцов середины XI в. // *Slavia*. 1977. № 46. С. 1—11).

³ Ср.: *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад // *Лазарев В. Н.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1979. С. 268—269, 274—276; *Grabar A.* L'art du Moyenage en Europe Orientale. Paris, 1968. P. 150.

⁴ См.: *Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece*. Vol. 1/ Ed. A. Morava-Chatzinicolaou, Ch. Toufexi-Paschou. Athens, 1978. P. 27—28, fig. 11, 2. *Hutter I.* Corpus der byzantinischen Miniaturhandschriften. Stuttgart, 1982. Bd 3(1). N 87. Ill. 332—335. P. 130.

⁵ См.: *Трей Э. Х.* Реставрация Остромирова Евангелия // *Реставрация библиотечных материалов*. Л., 1958. С. 49—96.

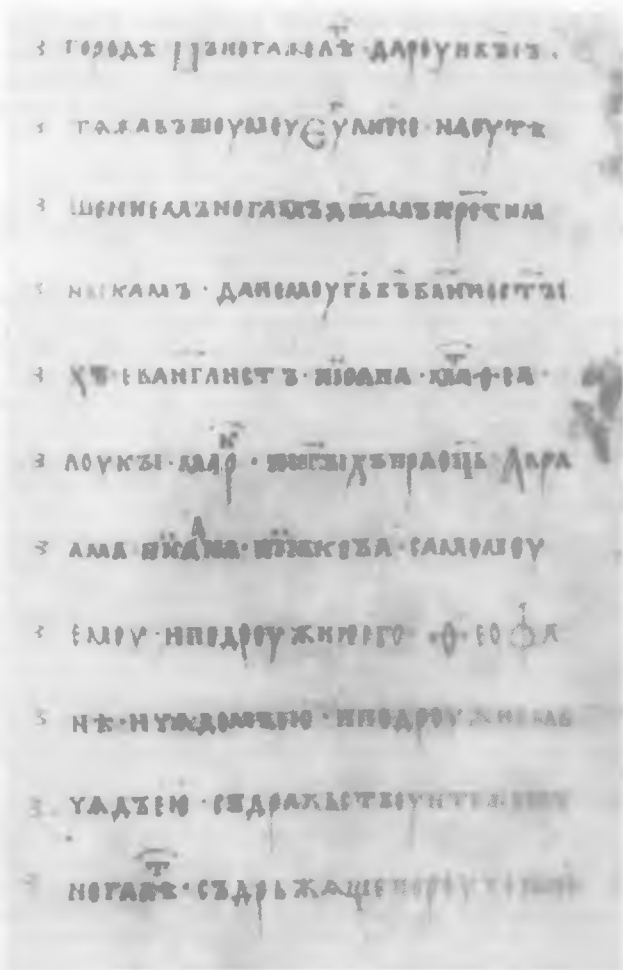

Рис. 1. Фрагмент Послесловия диакона Григория 12 мая 1057 г.
с записью о Феофане.

объяснить тем, что сложенный надвое лист попал в Новгород с уже готовой миниатюрой и тут была записана его вторая половина (л. 8). Эта миниатюра не византинизирующая, как предположила известная исследовательница древнерусской миниатюры, а просто византийская, попавшая в Новгород, быть может, путем, на который пытается бросить свет настоящая статья. Византийскими же, хотя не того высокого класса, что миниатюра с изображением евангелиста Иоанна, следует признать также миниатюры с изображениями Луки и Марка (с Матфеем, по-видимому, утеряна).

Как убедительно было отмечено, обе эти миниатюры написаны другим мастером, но все три миниатюры стилистически похожи. Сле-

Рис. 2. Остромирово Евангелие. Евангелист Иоанн, л. 1 об.

дует учитывать, что в Константинополе в XI и XII вв., а возможно, и ранее действовали мастерские, где не только на заказ, но и на рынок изготовлялись на отдельных листах миниатюры для разных, в разных местах составляемых рукописей. О. С. Попова метко уловила, что в миниатюре с изображением евангелиста Иоанна видно «стремление уподобить лист с миниатюрой великолепному дворцовому изданию».⁶ Но в таком случае позволительно предположить, что мини-

⁶ Попова О. С. Русская книжная миниатюра XI—XV вв. // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983. Вып. 3. С. 18. Тесная связь изображений евангелистов ОЕ с византийской книжной миниатюрой отмечалась неодно-

атюра вышла из первоклассной константинопольской, а быть может, именно дворцовой мастерской. Имеются основания сделать вывод, что миниатюры ОЕ не являются киевскими произведениями, покоящимися на византийских образцах, а сохранившимися в составе древнерусской рукописи образцами византийской столичной миниатюры середины X в.⁷

Послесловие диакона Григория как исторический источник

Составитель послесловия сообщает, что Евангелие написано по заказу Остромира, названного в крещении Иосифом, родственника князя Изяслава. Он добавляет, что ко времени выполнения заказа, а быть может, в весь тот период, когда выполнялся заказ Остромира, т. е. с 21 октября 1056 по 12 мая 1057 г., Изяслав держал оба княжения — перенятый после отца Ярослава стол в Киеве и стол в Новгороде после умершего брата Владимира. Новгород он поручил в управление приходившемуся ему родственником Остромиру (рис. 3).⁸

Старший сын Ярослава Владимир умер 4 октября 1052 г., и отец вскоре последовал за ним, почив в ночь с 19 на 20 февраля 1054 г. Следовательно, вскоре после смерти Ярослава Изяслав поручил посадничество в Новгороде Остромиру. Вероятно, после 1057 г. Изяслав передал новгородский стол своему возмужавшему сыну Мстиславу, освободив Остромира от посадничества, но оставив его в должности воеводы. Вскоре после 1064 г. Остромир пал в сражении с чудью.⁹

Четко в Послесловии назван повод назначения посадником в Новгороде именно Остромира. Дважды отмечено родство Остромира с Изяславом. Само по себе то, что Остромир определен как «близок» Изяслава, открывает две возможности понимания указанной тут

кратно. Ср., например: *Стасов В. В.* Замечания о миниатюрах Остромирова Евангелия // Собр. соч. СПб., 1894. Т. 2. С. 127—135; *Свиринов А. Н.* Искусство книги древней Руси. М., 1964. С. 53—56; *Смирнова Э. С.* Древнейший памятник русского книжного искусства // Искусство книги. М., 1961. Вып. 2. С. 213—222: «виртуозный золотой рисунок, присущий лучшим византийским миниатюрам» — наблюдение, которое мы готовы воспринять буквально.

⁷ Более обстоятельно о начальной истории ОЕ и его миниатюр см. мою статью в сборнике «Древнерусское искусство» (1996).

⁸ Послесловие издавалось неоднократно. Лучшее издание полного текста см.: *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953. С. 15—16. Описание с библиографией см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в архивах СССР. XI—XIII вв. М., 1984. С. 33—36 (№ 3).

⁹ НПЛ. С. 16, 17, 161, 181—182, 470; ПСРЛ. Т. I. Стб. 160, 161—162; т. 2. Стб. 149—151. См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 524—525, 622—627; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 15—16, 47—49; *Куза А. В.* Кто был наследником Остромира в Новгороде? // Славяне и Русь. М., 1968. С. 298—304. Попытке отнести смерть Остромира к 1060 г. противоречит достоверная летописная запись 1064 г.: «...Вышата, сын Остромир воеводы Новгородского...» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 152; НПЛ. С. 184). Современная запись указывает, что к тому времени Остромир перестал быть посадником, т. е. княжеским наместником, но оставался в долж-

1. ...
 2. ...
 3. ...
 4. ...
 5. ...
 6. ...
 7. ...
 8. ...
 9. ...
 10. ...
 11. ...
 12. ...
 13. ...
 14. ...
 15. ...
 16. ...

... АДМНУ
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

Рис. 3. Послеловие диакона Григория 12 мая 1057 г.

родственной связи: это могло быть родство по крови либо родство по браку. И хотя доселе предполагался именно этот первый смысл слова, следует признать, что «близочество» в первую очередь указывало на свойство, т. е. родство по браку.¹⁰

Попытка объяснить родственные отношения между князем и посадником была предложена Д. И. Прозоровским уже в 1864 г., и с того времени едва ли подвергалась сомнению, превратившись в твердо укоренившуюся уверенность. Предполагалось и предполагается, что родственным звеном явилась Малуша, мать Владимира Великого. Брат Малуши Добрыня, воспитатель и дядя Владимира, стал после 980 г., когда его племянник обосновался в Киеве, новгородским посадником, и с 988 г. насаждал тут христианство. И Добрынин сын Коснятин после 1015 г. держал некоторое время посадничество в Новгороде. Предполагалось, что Остромир являлся сыном Коснятина и внуком Добрыни и поэтому унаследовал новгородское посадничество.¹¹ Согласно этой гипотезе, Остромира следует считать дядей Изяслава по крови третьей степени. Это предположение слабо прежде всего тем, что не учитывались другие возможности «близочества» Изяслава с Остромиром.

Прежде чем рассматривать подробнее этот вопрос, следует обратить внимание на то, что составитель Послесловия, прославляя Остромира как ктитора Евангелия, молит Бога даровать самому Остромиру, его супруге Феофане, их детям и их супругам долгие годы жизни: «самому ему и подружью его Феофане и чадом ею и подружием чад ею».¹²

Ясно, что в 1057 г. Остромир и подруга его жизни имели уже взрослых женатых и замужних детей, и было их не менее трех, что следует из применения множественного числа. Двойственное число применено, согласно тогдашней норме, в Послесловии, когда речь идет об Остромире и Феофане.

ности военачальника. Гипотеза Б. А. Рыбакова о существовании Остромировой летописи (1956) (переиздана в: Рыбаков Б. А. Из истории культуры древней Руси. М., 1984. С. 67—81) полна смелых, но не выдерживающих критики догадок.

¹⁰ *Близок, близочество* бывает применяется и в общем значении родства, но в первую очередь указывает на свойство. См.: Рязанская Кормчая 1284 г.: «Суть же друзии браци, не со оузом сродства, *близочьствомъ* же възбраняеми творити; *близочество* же есть своисто лицъ от браков нам сочтано проче сродства» и далес: «*близочьство* же убо, рекше сватьство...» (Словарь древнерусского языка: (XI—XIV вв.). М., 1988. Т. 1. С. 231—232. Ср.: *Срезневский И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. Ст. 115). Это именно значение сохранил и русский язык XIX в. Ср.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1880. Т. 1. С. 97.

¹¹ *Прозоровский Д.* О родстве св. Владимира по матери // Зап. имп. Академии наук. 1864. Т. 5. С. 17—26; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 54. Б. Рыбаков (Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 197) признает, что «нельзя доказать степень их родства (ее можно только предполагать), но несомненно, что Остромир был близким родственником Константина».

¹² Остромирово Евангелие, л. 294 об. Автор Послесловия просит также Бога ниспослать Остромиру и его семье благословение не только всех четырех евангелистов, но и святых праотцов Авраама, Исаака и Якова. Полный смысл этого обращения был несомненно доступен Остромиру, Феофане и их окружению, но нельзя не указать, что здесь скрыто пожелание твердой веры (Авраам), благодати Божией (Исаак) и богохранимости (Яков). К тому же, крестильное имя Остромира (Иосиф) — это имя сына Яковлева.

То, что не названы внуки, вызывает некоторые сомнения. Хотя само «чадо» значит прежде всего «дитя», однако и в церковнославянском и древнерусском применялось и в более широком смысле «потомка».¹³ «Подружие» применимо в равной степени к супругу и супруге, и его семантика указывает на друга, спутника жизни. «Подружие» применялось наряду с другими определениями супругов, но в сравнении с двойким в понимании *муж-жена* подчеркивает, по Священному Писанию, церковную законодательность этого брака. Название женской половины четы *подружием* указывает на определенный паритет Феофаны в этом супружестве.

Перечисление взрослых состоящих в браке детей косвенно свидетельствует о возрасте родителей. Остромиру и Феофане было не менее 45—50 лет, но, пожалуй, и не больше 55—60 лет.

Настораживает редкость самого имени *Феофана*.¹⁴ Мужская форма этого имени Феофан, хотя и не часто, однако бытовала издревле на Руси. Кроме Феофаны новгородской, единственная известная нам носительница этого имени, в какой-то степени связанная с Русью, это греческая аристократка Феофана Музалон, вышедшая замуж за Олега Святославича во время пребывания последнего в ссылке в Византии, на острове Родос.¹⁵

Не было принято называть по имени супругу. Не было в обычае летописцев и упоминать о рождении княжеских дочерей, и даже о родственных связях с другими династиями в результате выдачи замуж княжон сообщалось весьма редко. Повесть временных лет, отметившая последовательно рождение сыновей Ярослава, ни словом не упоминает его дочерей. Благодаря иноземным источникам, мы узнаем о них как королевах Венгрии, Норвегии и Франции. Равным образом и женитбы сыновей и внуков Ярослава оставались вне внимания летописцев. Супруга Ярослава, дочь шведского короля Олафа, Ингигерд-Ирина в единственной отмечавшей ее кончину летописной записи даже не названа по имени.¹⁶ Лишь окказионально летописец сообщает в связи с рождением внука Ярославова, Владимира, под 1053 г. о матери: «от цесарицы грекыни». Что тут речь идет о дочери византийского императора Константина IX Мономаха, можно лишь догадываться на основании родового имени матери, упомянутого самим Владимиром в его «Поучении». Но ее личное имя остается доселе не решенной загадкой.¹⁷

¹³ Срезневский И. Материалы... Т. 3: 1467—1468. Ср. ОЕ, л. 187 и 198: «кровь его на нас и на чадах наших» (Матф. 27, 25).

¹⁴ Уже древнеславянский перевод Пролога в списке XII в. отмечает под 16 декабря св. Феофану. В рукописях XIII—XIV вв. *блаженная цесарица Феофана* упомянута и в первой и в краткой редакциях Пролога. См.: Пергаменные рукописи БАН СССР. Л., 1976. С. 53, 128. В греческих синаксарях св. Феофана появляется начиная с Менология императора Василия II с дополнениями XI в.

¹⁵ Лихачев Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. С. 136—140. Янин В. Л. Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. Вып. 2. С. 76—90.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 143: «Преставися жена Ярославля, княгини, февраля в 10 день». Об ее крестильном имени мы узнаем лишь из Иларионова Слова; ее светское имя передает сага об Эймунде.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 160: «у Всеволода родися сын и нарече имя ему Володимер, от цесарице Грькыне». Это была дочь Константина IX Мономаха, вероятно, от его связи с Марией Склириной. См.: Soloviev A. Maria, fille de

Обращаясь к изображению киевского князя Святослава Ярославича с семьей на миниатюре в Изборнике 1073 г., мы видим князя с пятью сыновьями и княгиню, но не изображена ни одна из Святославовых дочерей. Каждому из княжеских изображений сопутствует имя, тогда как изображению женской фигуры сопутствует лишь пояснение «княгини».¹⁸ Остается гадать, как звали супругу Святослава. Была ли это дочь Этелера, графа Дитмаршен, или Ода фон Штаде. В Трирской псалтири, известной также как Кодекс Гертруды из Чивидале, на одной из добавленных после октября 1078 г. миниатюр, определяемых как византийско-русские, изображена владелица Псалтири Гертруда, вдова князя Изяслава, вместе с сыном Ярополком и его женой. Поясняющие надписи относятся к самому Ярополку, полностью игнорируя его рядом стоящую супругу, вероятно, Кунекунду из Орламунд. Коленопреклоненной ниц Гертруде сопутствует пояснение «мать Ярополча».¹⁹

Следует также отметить, что в адресованных сыновьям Ярослава, Владимиру и Святославу, записях рукописей 1047 г. и 1073 г. при пожеланиях здравствования самому князю вовсе не упомянуты члены его семьи.²⁰

Возвращаясь к родственным отношениям между Изяславом и Остромиром и учитывая, что «*близок*» обозначает прежде всего вступившего в родственную связь по браку, позволительно выдвинуть обоснованное таким путем предположение, что Феофана является тем родственным звеном, которое возвело Остромира в степень «*близока*», т. е. свойственника князя Изяслава.

Кем же была Остромирова супруга?

Супруга новгородского посадника получила свое имя в честь одной из его известных носительниц.

В первую очередь имеются в виду две императрицы, носившие это имя. Супруга византийского императора Романа, умершего в 963 г., была матерью Анны, вышедшей в 988 г. в связи с крещением Руси за Владимира. Назвать свою дочь именем своей матери являлось бы со стороны Анны согласным с тогдашним обычаем поступком. Усматривание в новгородской Феофане дочери Владимира и Анны позволяет проще всего объяснить возникновение по браку родственных связей между Изяславом и Остромиром. Феофану следовало бы признать теткой всех внуков Владимира, в том числе и Изяслава.

Но почти с таким же успехом можно объяснить свойство Остромира, предполагая иную возможность, ставящую новгородскую Феофану

Constantine IX Monomague // Byzantion. 1963. N 33. P. 241—248 и мои замечания в: Byzantinoslavica. 1971. N 32. S. 267.

¹⁸ Изборник Святослава 1073 г. Факсимильное воспроизведение рукописи. М., 1983. Л. 1 об.; *Свирин А. Н.* Искусство книги. С. 176.

¹⁹ Доброкачественные цветные снимки обеих миниатюр см.: *Kampfer Fr.* Das russische Herrscherbild. Recklinghausen, 1978. S. 117, 127, ill. 64, 67; черно-белые см.: *Янин В. Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Т. 4. С. 142—164, рис. 1 и 2 на с. 146—147.

²⁰ Послесловия см.: *Карский Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 (поспр. 1979). С. 281 (запись 1047 г.); Изборник Святослава, л. 2об., 263 об.—264.

в родственную связь с супругой немецкого императора Оттона II, императрицей Феофану. Как известно, к рожденным от этого брака детям принадлежала Матильда (рожденная ок. 978, ум. 1025), которая около 993 г. была выдана замуж за лотарингского пфальцграфа Эренфрида, зовомого Эзо. К многочисленному потомству этой четы принадлежала рожденная ок. 996 г. Рихеза.²¹ На основании соглашения между немецким королем Генрихом II и польским князем Болеславом Храбрым 1013 г. Рихеза стала супругой наследника польского престола Мешко II. От этого брака, после 1016 г., вероятно в 1020-е гг., родилась Гертруда, ставшая в 40-е гг. XI в. супругой Изяслава.²² Следовало ожидать, что среди потомков Оттона II и Феофану, от брака дочери Матильды с графом Эзо, появится по крайней мере одна одноименница императрицы Феофану. Действительно, среди их семи дочерей мы находим Феофану, одну из младших сестер Рихезы, приходившуюся родной теткой Гертруде. Однако эта рожденная между 1000—1010 гг. дочь Эзо и Матильды никаким образом не может быть отождествляема с Феофаной новгородской из-за одного весьма веского основания: жизнь и оживленная деятельность монахини, а с 1039 г. настоятельницы женского монастыря в Ессене Феофану, умершей ок. 1056 г.,²³ так хорошо подтверждена показаниями первоисточников, что эта тетка супруги Изяслава Гертруды, идеально подходящая для объяснения «близочества» Остромира, не может быть принятой во внимание. Взамен мы получаем весьма существенное методическое указание: какая опасность подстерегает историка, пытающегося воспользоваться умолчанием первоисточников и пойти в своих выводах дальше намеченного этими источниками предела. Если бы судьба тетки Гертруды не была бы нам так досконально известна, искушение признать в ней Феофану новгородскую было бы крайне увлекательным. Тут и ссылка на высказанное искусствоведами мнение о связи миниатюр Остромирова Евангелия с искусством времени Оттонов могла бы сыграть свою роль. Учитывая нередкие династические связи Рюриковичей со знатными немецкими родами, нельзя, понятно, безоговорочно исключить, что существовала

---

²¹ *Tinnefeld Fr.* Die Braut aus Byzanz — Fragen zu Theophanus Umfeld und gesellschaftlicher Stellung vor ihrer abendlandischen Heirat // Kaiserin Theophanu — Prinzessin aus der Fremde — des Westreichs Grosse Kaiserin / Ed. G. Wolf. Köln, 1991. S. 168—211, 247—261; Г. Вольф пишет о детях и потомках Отто II и Феофану; *Lewald U.* Die Ezzonen: Das Schicksal eines rheinischen Fürstengeschlechtes // Rheinische Vierteljahrbücher. 1979. N 43. S. 120—168. О Рихезе см.: *Ludat H.* Piasten und Ottonen // An Elbe und Oder um das Jahr 1000. Köln, 1971. S. 87, 90—91; *Trawkowski S.* Richeza // Polski Słownik Biograficzny. 1992. N 33. S. 368—373; *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. Wrocław, 1992. S. 113—120.

²² Брак Гертруды с Изяславом следует датировать не ранее 1043 г., но и до 1050 г., так как до этого года, когда родился Святополк, увидели свет его старшие братья Ярополк-Петр и Мстислав. Тождество Гертруды с княгиней Олилавой (т. е. Елизаветой), умершей 4 января 1108 г. в Киеве, ставилось под сомнение, но подтверждается анализом первоисточников. Издание молитвенника Гертруды вместе с обстоятельным введением готовил Бригида Кюрбис из Познани. О Гертруде см.: *Янин В. Л.* Русская княгиня... С. 142 и след.; *Jasiński K.* Rodowód... S. 144—147.

²³ О тетке Гертруды, кроме работы И. Левальда (*Lewald U.* Die Ezzonen), см.: *Glocker W.* Die Verwandten der Ottonen und ihre Bedeutung in der Politik. Köln; Wien, 1989. S. 317—319, 425.

еще одна Феофана, родственница Гертруды, выданная замуж за Остромира. Но в источниках мы не находим никакого следа, указывающего на такую возможность.

Возвратившись к предположению, что Феофана была внучкой византийской императрицы Феофано, следует постоянно учитывать все те опасности и западни, которые скрыты в молчании и предельной скудости источников.

Чрезвычайная редкость этого имени не только у восточных славян и немцев, но и в Византии также в последующих столетиях, позволяет предполагать живучесть осознания связи этого имени с его первоначальным священно-харизматическим смыслом Феофании — Богоявления. Особенно женский род этого имени мог восприниматься в значении *богоявленная* более осязаемо, нежели мужской: имя Феофан в Византии и позже на Руси встречается чаще.

Первая известная нам носительница этого имени, это Феофано из знатной афинской семьи, родственница императрицы Ирины (797—802), супруга императора Ставрикия (811).²⁴ Первая супруга императора Льва (886—912) также носила имя Феофано. Вскоре после венчания она развелась и ушла в Влахернский монастырь, где и умерла. Причинивший ей страдания император Лев пытался провести ее причисление к лику святых, воздвигая и посвящая ей храм. Однако посвящение церкви во имя еще не причтенной к святым вызвало сопротивление духовенства и принудило императора переименовать храм во имя Всех Святых. Несмотря на это, в повседневном обиходе церковь продолжали называть ее первоначальным наименованием св. Феофаны.²⁵

В «Родословной Константинополя» — памятнике, посвященном происхождению и истории Константинополя, — в добавлениях, которые были сделаны еще до 990 г., строительство церкви св. Феофаны приписывается сыну императора Льва, императору Константину Багрянородному (944—959). Принято считать, что в данном случае имелось в виду завершение декора храма.²⁶

Как следует из сочинения Константина Багрянородного «О церемониях императорского двора», он, рожденный от четвертого брака Льва с Зоей, с рвением почитал как святую первую супругу своего отца. При

²⁴ Theophanis Chronographia / Ed. C. Boor. Leipzig, 1883. S. 483, 494, 493.

Упомянутые у Продолжателя Феофана все четыре Феофаны принадлежат к царственной семье на исходе IX и в первой половине X в. Но кроме Феофано, дочери Константина Багрянородного, Феофано, первая жена Льва VI, и Феофано, жена Константина, сына Романа Лакапина, могли получить это имя при венчании подобно Феофано, супруге Романа II (см. ниже, примеч. 28). Ср.: Продолжатель Феофана / Изд. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 150, 175, 189, 194.

²⁵ См.: Греческое житие св. Феофаны / Изд. Э. Куртц // Зап. имп. Академии наук. СПб., 1898. Сер. 8. Т. 3—2. С. 1—24; *Costa-Louille D. Saints de Constantinople aux VIIIe, IXe et Xe siècles // Byzantion. 1957. N 25/27, fasc. 2. P. 823—836; Downey G. The Church of All Saints (Church of St. Theophano) near the Church of the Holy Apostles at Constantinople // Dumbarton Oaks Papers. 1956. N 9/10. P. 301—305; Majeska G. The body of St. Theophano, the Empress and the Convent of St. Constantine // Byzantinoslavica. 1977. N 38. P. 14—21.*

²⁶ *Patria Constantinopoleos / Ed. Th. Preger. Leipzig, 1907. S. 280, 282, 288; Berger A. Untersuchungen zu den Patria Konstantinopoleos. Berlin, 1988. S. 363, 500, 615.*

описании крестного хода в день праздника Всех Святых дважды названа молельня — евктерий св. Феофаны в связи с пребыванием в ней царственной семьи.²⁷ Следовательно, при дворе, а особенно в императорской семье, Феофано почиталась как святая. В свете упоминания «церквицы» св. Феофано в составе архитектурного ансамбля храма Всех Святых следует приписываемую Константину постройку церкви св. Феофано воспринимать в том смысле, что император устроил молельню во имя св. Феофано, составлявшую единое целое со зданием храма Всех Святых.

Почитание святой Феофано в середине X в. в Константинополе, даже если официальное церковное причтение к лику святых состоялось позже, поясняет достаточно четко, почему супруга Романа, сына Константина Багрянородного, венчаясь с ним на царство, восприняла новое имя. Анастасия, якобы дочь трактирщика, стала императрицей Феофано.²⁸ Святая покровительница императорской семьи содействовала этому харизматическому преображению.

Когда состоялось это венчание, не известно; предположение, указывающее на 956 г., не обосновано. По всей вероятности, брак Романа с Феофано был заключен двумя годами раньше, учитывая, что их первородное дитя присутствовало в октябре 957 г. при десерте во время приема киевской княгини Ольги во дворце.²⁹ Точное определение времени брака Романа и Феофано существенно также для установления даты рождения будущей супруги Оттона II и императрицы Феофаны (так произносили и записывали это имя на латинском Западе).

Хотя затянувшиеся попытки вывести эту Феофано из Македонской династии либо из рода Лакапинов оказались тщетными и целиком несостоятельными, остается вне сомнения, что племянница императора Иоанна Цимисхия была отпрыском знатнейших византийских родов. Наиболее доказанным оказалось предположение, что эта Феофано была дочерью Константина Склира и Софии из рода Фок. Сестра Константина и Варды Склиров Мария Склирена в 950-е гг. вышла замуж за

---

²⁷ Ср.: Constantinus Porphyrogenitus De caerimoniis aulae Byzantinae / Ed. J. J. Reiske. Bonn, 1829. Bd I. S. 433, 537 (кн. I, 96, II, 7).

²⁸ Ioannis Scylitzes Synopsis historiarum / Ed. I. Thurn. Berlin, 1973. S. 240. Согласно Продолжателю Феофано, записавшему это событие еще при жизни императора Константина в 950-е гг.: «В жены своему сыну царю Роману дал девушку от благородных родителей, дочь Кратера, телом красивую, видом прекрасную, душой чистую, Анастасию именем. И по достоинству была она названа Багрянородным Феофано, как от Бога явленная и избранная» (Продолжатель Феофана. С. 189 (кн. VI; 5, 39)). Вероятно, в угоду автор перехватил, восхваляя молодую императрицу, но все же его показание о ее происхождении следует признать более достоверным, нежели позднейшие наговоры, связанные с непристойным и преступным (соучастие в убийстве) поведением Феофано после смерти мужа Романа 15 марта 936 г.

²⁹ Уже в 1932 г. Г. А. Острогорский отметил, что к осени 957 г. у Романа и Феофано было дитя в возрасте, позволяющем присутствовать при десерте, и попытки перетолковать это место в «О церемониях» (с. 597) следует признать неудачными (см.: *Острогорский Г.* Византия и киевская княгиня Ольга // *To Honor Roman Jakobson. The Hague, 1967. P. 1458—1473, особенно p. 1471*). Прав А. В. Назаренко в своих доказательствах, относящих сватовство и брак Романа II с Анастасией-Феофано на 953—954 гг. См.: *Назаренко А. В.* Когда ездила княгиня Ольга в Константинополь? // *Византийский временник. 1989. № 50. С. 77—79.*

будущего императора Цимисхия.³⁰ Все эти аристократы занимали высокие государственные посты и принадлежали к кругу ближайших к императорскому двору лиц. И по возрасту они были близки молодому императору Роману. Рожденная в знатной придворной семье девочка могла получить свое имя в честь молодой императрицы, а также с целью подчеркнуть соучастие в культе блаженной Феофано, почитавшейся во дворце. Дочь Константина Склира и Софии Фокины, вероятно, была крещена во имя святой Феофано. С этим именем Феофано прибыла в 972 г. в Рим и в державу Оттонов и осталась тут при этом имени. В данном случае не последовали довольно распространенному обычаю давать прибывшей невесте новое привычно звучащее имя. В Риме, где папа Иоанн XIII венчал молодую чету, по-видимому, прекрасно осознавали харизматический смысл имени «от Бога явленной» невесты. Не исключено, впрочем, что сам Цимисхий, отправляя свою племянницу в жены царственному жениху вместо желанной, как указывает посольство 968 г., багрянородной невесты, решил восполнить этот пробел, снабжая свою племянницу царственным именем Феофаны.

Багрянородная Анна и ее потомство

Рожденная 13 марта 963 г. накануне смерти отца и росшая в императорском дворце в Константинополе Анна была лишена общения со своей матерью Феофано, отстраненной и сосланной с 970 по 976 г. Кажется, что старая императрица была еще жива в 987 г. В религиозное воспитание Анны, несомненно, входили посещения храма св. Феофано и императорского мавзолея при церкви св. Апостолов, где находилась также гробница Феофано, высеченная из изумрудного фессалийского мрамора.³¹ Почитание этой семейной царственной святой было с детских лет чем-то обычным для Анны, и поэтому ее естественным желанием было крестить свою дочь во имя св. Феофано и одновременно почтить память своей матери.

Таким образом, становится понятным, почему супруга Остромира носила лишь одно, крестильное и одновременно мирское имя. С принятием христианства на Руси сложился обычай рядом с повседневным княжеским, мирским именем давать крестимому крестильное, моленное имя в честь святого, становившегося ангелом-хранителем крещеного. Крестильное имя не употреблялось в быту и поэтому часто не называлось, и о нем можно судить иногда лишь на основании косвенных данных. В династии Рюриковичей, а также в родах киевской знати приблизительно с середины XI в. начинали иногда довольствоваться одним именем, причем в таких случаях крестильное имя становилось также мирским, княжеским. Феофана со своим княжеским, точнее, царственным и одновременно крестильным именем может рассматри-

³⁰ См.: *Tinnefeld Fr. Die Braut aus Byzanz — Fragen zu Fheophanus Umfeld...* и подводющую итоги изысканий, приведших к такому результату, статью: *Kresten O. Byzantinische Epilegomena zur Frage: Wer war Theophanu? // Kaiserin Theophanu: Begegnung des Ostens und Westens um die Wende des ersten Jahrtausends. Köln, 1991. Bd 2. S. 403—410.*

³¹ См.: *Constantini Porphyrogeneti. De caerimoniis. I, 642 (кн. II, 42: «о захождениях императоров, находящихся в церкви св. Апостолов»); Downey G. The Church of All Saints... S. 304—305.*

ваться как первый случай этого сочетания, которое с XI в. появилось в династии Рюриковичей, но стало господствующим лишь к исходу XIII в.

О потомстве Владимира нам известно довольно много, но, к сожалению, уже по поздней, овеянной преданием традиции.³² Единственный современный тому времени первоисточник, хроника Дитмара, знает лишь трех сыновей Владимира, хотя действительное число его сыновей было больше. Лишь благодаря Дитмару мы узнаем о девяти дочерях Владимира, которые в 1018 г. проживали в Киеве.³³ Какие из его сыновей родились от браков, заключенных до 988 г., мы можем все же предполагать, вопрос же потомства от Анны не ясен до такой степени, что создается впечатление умышленности, наложения табу на эту тему.

Багрянородная Анна вышла замуж за 30—33-летнего Владимира летом 988 г. на 26-м году жизни и умерла 48 лет в 1011 г., как сообщает ПВЛ. Из сообщения Дитмара следует, что в 1018 г. в дворцовом, т. е. Десятинном, храме рядом с Владимиром покоилась его царственная супруга. Позднее сообщение Скилицы, что Анна умерла после своего супруга не может быть призвано достоверным.³⁴

Дитмар упоминает, имея в виду Ярослава, что в августе 1018 г. в Киеве находилась повегса regis. Эта «новерка» — мачеха дала повод историкам рассуждать о последнем браке Владимира после кончины Анны в 1011 г. с внучкой Оттона Великого.³⁵ Убедительно было показано, что последняя жена Владимира не могла быть ни немецкого, ни тем паче оттоновского происхождения.³⁶ С другой стороны, была предпринята более убедительная попытка связать погибшего ок. 978 г. киевского князя Ярополка с записью в «Генеалогии Вельфов» о помолвке дочери графа Куно фон Энингэн Ригелинд с «королем руссов».³⁷

Возникает, однако, вопрос, должна ли упомянутая Дитмаром повегса быть воспринимаема как доказательство вступления Владимира в новый брак после смерти Анны? Мачехой Ярослава и других рожденных до крещения сыновей Владимира была также Анна. Noverga упомянута у

³² Список сыновей в «Повести временных лет» составлен по анонимному «Сказанию страсти св. мучеников Бориса и Глеба», т. е. около 1072 г. Такое соотношение доказывали: *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957. С. 194—197 и *Kralik O.* Vztah Povesti Vremennych let k Legendě o Borisu i Glebovi // *Československa Rusistika*. 1967. Т. 12. S. 99—102.

³³ *Thitmar Merseburgensis Episcopi Chronicon*, lib. VIII, 73; VIII, 32, 33 / *Ed. W. Trithemich*. Berlin, 1957. S. 434/435, 474/475 (лат. текст и нем. перевод). Латинский текст и русский перевод отрывков с комментариями см.: *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники древней Руси. Л., 1989. С. 62—64, 66—67, 68—69; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. М., 1993. С. 136—137, 140—142.

³⁴ *Дитмар Мерзебургский*. Кн. VII, 74; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 129: «В лето 6519. Преставися цесарница Володимеря Анна». Краткость записи указывает на ее современный характер. Об известии Скилицы см.: *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 192 и в моей статье «Борьба за киевский стол после смерти Владимира Великого» (в печати).

³⁵ *Baumgarten N.* Le dernier mariage de Saint Vladimir // *Orientalia Christiana*. Roma, 1930. Т. 18, N 61. S. 165—168, за ним мн. др.

³⁶ См.: *Zubke Ch.* Ottonen, Rjurikiden, Piasten // *Jahrb. Geschichte Osteuropas*. 1989. Bd 37. S. 1—20; 1991. Bd 39.

³⁷ См.: *Назаренко А. В.* Русь и Германия в 70-е годы X века // *Russia Mediaevalis*. 1987. Вып. 6(1). С. 38—89.

Дитмара дважды. При торжественном вступлении Святополка и Болеслава в Киев присутствовали также *poverca regis predicti, uxor et VIII sorores eiusdem*, т. е. Ярослава (кн. VIII, 32), затем он сообщает, что Болеслав послал архиепископа киевского в Новгород к Ярославу, предлагая в обмен на свою дочь (жену Святополка) Ярославову жену с «новеркой» и сестрами (кн. VIII, 33). Если бы эта *poverca* являлась последней супругой Владимира и в результате мачехой его увидевшего до 1011 г. свет потомства, ее заложничество едва ли было бы объяснимо. Связывание этой «новерки» с Ярославом и его супругой (*uxorem suam cum poverca et consorogibus*) позволяет сделать вывод, что в данном случае имеется в виду не мачеха Ярослава и других сыновей Владимира, а теща Ярослава. И в этом смысле, хотя и реже, «новерка» выступает в латинских первоисточниках.³⁸ Так как во втором упоминании Дитмара о сестрах Ярослава не указано их число, а ранее хронист упомянул, что одна из девяти сестер была уведена похотливым Болеславом, можно предполагать, что имелись в виду не все дочери Владимира. Из названных же 9 дочерей, присутствовавших в кафедральном соборе Софии при привествовании вступивших в город Болеслава и Святополка, позволительно, хотя и с не равной уверенностью, назвать трех из них по имени: Марию Добронегу, вышедшую замуж ок. 1040 г. за польского князя Казимира, Передславу, уведенную затем Болеславом в Польшу, и наконец, Феофану.³⁹

О дальнейшем потомстве Анны нет прямых данных. На основании косвенных улик можно предполагать царственное происхождение двух сыновей Владимира, Бориса и Глеба. Они оба погибли во время разразившейся после смерти Владимира княжеской усобицы, и несколькими десятилетиями позднее стали почитаться и были причислены к лику святых не позднее 1072 г. Подтверждение тому, что Борис родился от багрянородной супруги Владимира следует усматривать в его крестильном имени в честь деда, императора Романа. Киевский митрополит Иоанн Продром в службе святым братьям, составленной около 1080 г., так обращается к Борису-Роману: «преблажене, цесарьским венцем от уности украшен», и далее, обращаясь к обоим князьям: «кровью своею прапруду носяща, преславная, и крест в скипетра место в десную руку носяща, с Христом царствовати ныне сподобистася, Романе и Давиде, воина Христова непобедимая».⁴⁰ «Прапруда» тут употреблена

³⁸ *Du Cange. Glossarium latinitatis* V, 616: *mater uxoris*. Ср.: *Lexicon manuale ad scriptores mediae et infimae latinitatis* / Ed. M. Migne. Paris, 1890. P. 1533. У всех переводящих текст *poverca* = мачеха. В этом смысле *poverca*, действительно, выступает чаще, но нельзя не учитывать, что это слово применялось иногда и для обозначения тещи. Следовательно, Дитмар мог применить этот термин родства в обоих значениях: мачехи либо тещи. И все же детальный анализ обстоятельств может позволить решить, которому из обоих значений следует отдать предпочтение. Упомянутой Дитмаром женой Ярослава не могла быть Ингигерд-Ирина, ставшая ею в 1018 г., когда Ярославу было лет 40. (Ср.: *Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники...* С. 193—195, 203).

³⁹ В отношении Марии Добронеги (ум. в 1087 г.) имеются основания сомневаться, была ли она дочерью Владимира, а не Ярослава. Ср.: *Jasiński K. Rodowód...* S. 131—143. Дитмар не назвал Передславу по имени, но она упомянута в анонимном «Сказании о св. Борисе и Глебе» и в ПВЛ. Ср.: *Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники...* С. 196—197.

⁴⁰ *Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им* / Изд. Д. Абрамович. Пг., 1916. С. 136, 140. Ср.: Там же. С. 51: «*Светяся цесарьскы*» с царским одеянием св. Бориса и Глеба на иконах.

в смысле царственного одеяния — багряницы либо впрямь указывает на багрянородство. От этого зависит перевод: «кровью своею облечены в багряницу», либо: «в крови своей порфиру имея», в смысле иносказательно: рожденные от порфирородной.

В житийно-летописной и иконографической традиции Борис изображен мужчиной приблизительно двадцати пяти лет, что указывает на близкий 990-му год рождения. Крестильные имя юного, в 1015 г. приблизительно тринадцатилетнего Глеба-Давида указывает на христианскую и царственную символику и объясняет выбор этого имени Владимиром и Анной для младшего, «возлюбленного» сына.⁴¹

В поисках объяснения, почему после смерти Владимира именно Борис и Глеб расстался с жизнью и почему разразилась многолетняя эсобица между его сыновьями, следует принимать во внимание, что это покрытое агиографической пеленой убийство могло быть следствием политических интересов части Владимирова потомства. Такие расправы в династиях не были ничем особенным в тогдашней Европе. Надо учесть, что наш основной первоисточник является составленным во второй половине XI в. житийным, нравоучительным повествованием, которое на рубеже XI—XII вв. при включении в киевское летописание, т. е. ПВЛ или в предшествовавший ей свод, было историзировано.⁴²

Причина, вызвавшая междоусобицу в 1015 г., вызревала годами в результате принятого в Киеве решения передачи киевского стола законнорожденному потомству от освященного церковью брака Владимира и Анны. На закате своих дней креститель Руси вопреки принципу наследования княжеского стола по старшинству назначил своим наследником Бориса-Романа. Еще при жизни Владимира это привело к заговору и неповиновению обойденных старших его сыновей в 1013—1014 гг., а после его смерти вовлекло всю страну в кризис власти и усобицу. Попытка «византизировать» престолонаследие в Киеве не удалась, что и имело свои дальнейшие последствия, влияя на ход событий и историческую память о них: со значительной долей успеха память об Анне, считавшейся, по всей вероятности, зачинщицей решения Владимира о престолонаследии в пользу их потомства, была выскоблена из династической традиции. В житийно-летописном предании Борис и Глеб были приписаны матери-болгарыне. Багрянородная Анна, саркофаг которой в 1018 г. еще стоял рядом с каменной гробницей Владимира, обойдена полным молчанием в Иларионовой похвале крестителю Руси, произнесенной у его гроба в Десятинной церкви в годовщину кончины 15 июля 1049 либо 1050 г.⁴³ В годы Ярослава версия об убийстве Бориса и Глеба Святополком как святотатственным преступлении, вероятно, еще не пользовалась полным признанием современ-

⁴¹ Попытка подробного обоснования выбора Владимиром и Анной этого имени и другие вопросы, связанные с борьбой за киевский стол (1015—1019) см. в моей упомянутой выше статье, в примеч. 34.

⁴² Изложение заново моей точки зрения в полемике с Л. Мюллером см.: *Поплз А. О рождении культа св. Бориса и Глеба и посвященных им произведениях // Russica Mediaevalis. 1995. Т. 8 (1). С. 19—68.*

⁴³ Учитывая, что в своей Похвале Владимиру Иларион восхваляет также Ольгу и Ярослава Мудрого вместе с супругой Ириной, полное игнорирование Анны, сыгравшей в христианизации страны несомненно незаурядную роль, отмеченную (о чем упоминает Яхия Антиохийский) построением многочисленных храмов, трудно признать случайным.

ников, так как Изяслав Ярославич не считал неуместным и щекотливым давать своему рожденному в 1050 г. сыну имя своего дяди. В то же время брат Изяслава Святослав дал своим сыновьям имена Глеба, Романа и Давида и тем самым воздал честь их памяти и возвел их крестильные имена в степень княжеских.

Шаг за шагом я пытался доказать, что супруга Остромира была отпрыском от брака Владимира с багрянородной Анной. Следовательно, Феофана была племянницей императоров Василия Болгаробойцы (ум. 1025) и Константина (ум. 1028) и двоюродной сестрой императриц Зои (ум. 1050) и Феодоры (ум. в сентябре 1056). Из Послесловия Остромира Евангелия следует, что в 1057 г. солидных лет супруга посадника Остромира была первой дамой Новгорода, обретшей семейную радость среди немалого потомства. Феофана увидела свет, вероятно, вскоре после 1000 г., т. е. приблизительно тогда, когда родилась тезоименная внучка Феофану и Оттона II. 14 августа 1018 г. в канун Успения Богородицы, будучи еще девицей, Феофана вместе с другими сестрами присутствовала в деревянном Софийском кафедральном соборе при приветствовании киевским архиереем вернувшегося в Киев своего единокровного брата Святополка и его тестя и покровителя польского князя Болеслава. За торжественным входом Болеслава и Святополка в Киев следовала церемония интронизации, состоявшейся, по всей вероятности, в князем Десятинном храме на следующий день 15 августа в праздник Успения, прославляемый в Киеве всенародно со времен Владимира. Феофана присутствовала, наверно, и при этом акте настолования Святополка.⁴⁴

Судьбы высокорожденных дочерей правящих домов не были завидными. Делали все, чтобы высокое положение, унаследованное от родителей, не потерпело ущерба. Если не возникала возможность выйти замуж в чужие края соответственно благородству происхождения, оставалось поступать в монастырь. Дочери Оттона II и Феофану София и Аделайда ушли в монастырь, лишь одна Матильда, впрочем, по желанию матери, вступила в неравный брак вопреки принятому обычаю. Как отрицательно оценивала этот брак знать, сообщил Дитмар.⁴⁵ Поэтому мы можем предполагать, что и брак Феофаны с Остромиром мог восприниматься как мезальянс. Правда, после смерти отца и родных братьев положение Феофаны стало особенно незавидным. Ведь она была дочерью «цесарицы», обвиняемой в коварном замысле лишить Владимировых сыновей от других матерей прав на киевское престолонаследие. Впрочем, в итоге перемен, происшедших в результате борьбы за киевский стол с 1015 по 1026 г., этот брак

⁴⁴ Дитмар Мерзебургский. (Кн. VII, 65; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 135, 140) четко указывает, что, водворив своего зятя Святополка в Киеве, Болеслав его и интронизировал. Церемониал настолования совершался в церкви, где стоял трон. Раз дочери Владимира участвовали в торжественном входе Болеслава и Святополка в Киев, то несомненно и присутствовали при настоловании брата, даже если не симпатизировали ему.

⁴⁵ *Дитмар Мерзебургский*. Кн. IV, 60. Показательны судьбы дочерей и внучки Оттона II и Феофану. Единственный брак их дочери, Матильды, с графом Эзо, долго был воспринимаем как необычный мезальянс. Даже в надгробной надписи игуменьи Феофану отец не упомянут, а названа лишь мать: «...умерла аббатисса Феофану, дочь Матильды, дочери императора Оттона второго». См.: *Zimmermann W.* Des Grob der abtissin Theophanu von Essen // *Bonner Jahrb.* 1952. Bd 152. S. 226—227.

мог явиться лучшим выходом из положения, не сулившего ничего хорошего. И, вероятно, она предпочла этот неравный брак уходу в монастырь. Остромир и Феофана сочетались браком, по-видимому, 20-е гг., не позднее начала 30-х гг. XI в., учитывая взрослое к 1057 г. потомство. Остромир женился на Феофане, несомненно, с соизволения кровного брата невесты, Ярослава, быть может поощренный князем на такой шаг. Остромир, принадлежавший к новгородской знати, пользовался, видимо, доверием Ярослава, а затем его сыновей Владимира и Изяслава.

Полугречанка Феофана несомненно поддерживала сношения с родиной матери, где у кормила правления в императорском дворце пребывали ее ближайшие родственники и родственницы (схема). Поэтому можно обоснованно предполагать, что с 30-х гг. XI в. в Новгороде существовала греческая колония, которой покровительствовала Феофана. Художники, частично расписавшие в начале 1050-х гг. только что построенную Софию, быть может, и были греками.⁴⁶ К их умениям и опыту прибегали местные мастера.

Возможно, загадочные византийские печати некоего протопроэдра Евстафия легче найдут свое объяснение.⁴⁷ Известный эпизод новгородско-тмутараканской истории — занятие князем Ростиславом Владимировичем и его соратником Вышатой Остромировичем Тмутаракани в 1064 г. приобретает новый оттенок, если принять во внимание, что матерью этого Вышаты была Феофана и что он сам, вероятно, владел греческим языком и уже по одному этому не случайно оказался в греческой Тмутаракани.⁴⁸

Таким же образом объяснимо появление на Руси, как раз в Новгороде, некоторых культовых предметов этого времени, как например,

---

⁴⁶ Ср.: Штендер Г. М. Композиция «Константин и Елена» в новгородском Софийском соборе и росписи деревянных сооружений домонгольской Руси // Архитектурное наследие и реставрация: Сб. науч. тр. М., 1988. С. 188—207 (здесь же и литература предмета). Не случаен, пожалуй, выбор темы: просветители земли греческой.

⁴⁷ 14 печатей двух типов протопроэдра Евстафия, изготовленные византийским мастером, но все найденные в Новгороде, остаются для исследователей, помимо предпринятых попыток, нерешенной загадкой (см.: Лихачев Н. П. Материалы... Л., 1930. Вып. 2. С. 278; Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 64—67, 183—184, 255, 288). Почетным званием протопроэдра с XI в. наделялись в Византии высокие придворные и военные чины из знати (см.: Каждан А. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 107—113, и им же изданное незаменимое настольное пособие: The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. Kazhdan. 1991. Vol. 3. P. 1727). По-видимому, протопроэдр Евстафий, прежде чем шеголять в Новгороде своим имперским званием, побывал в Византии, где то ли за военную службу, то ли из-за родственных отношений с правящей македонской династией, был отличен этим титулом. Таинственный Евстафий мог быть сыном Остромира и Феофаны (ее единокровный брат Мстислав Черниговский имел сына Евстафия), но это только одна из возможных гипотез. Зато подтверждается тезис о прямых контактах Новгорода с Константинополем в XI в.

⁴⁸ Казалось бы, авантюристическое приключение — скачок на тмутараканский стол (свыше 2000 км) обиженного князя Ростислава Владимировича и его соратника и ровесника Вышаты Остромировича (это не воевода Ярослава Вышата, отец Янев, хотя их и путали) — имело свой политический смысл и своих сторонников и врагов в самой Византии.

**Новгородские
посадники**

Добрыня, брат →
(† после 1000) — Ярослав →

Косытин
(† после 1020)
минимый отец

ОСТРОМИР
(† после 1064)

∞ **ФЕОФАНА**

Вышата и другие
(Евстафий?)

РЮРИКОВИЧИ

Святослав († 972)

∞
Милуша

ВЛАДИМИР († 1015)

∞ жена до 988 г.

∞ Анна «цесарица» († 1011)

СВЯТОПОЛК
(† после 1022)

∞ дочь Болеслава Храброго кн. польского

Мстислав
(† 1036)

∞ Евстафий († 1033)

Ярослав († 1054)

∞ Ингигерд († 1051)

Владимир († 1052)

∞ Ода (?)

Ростислав († 1067)

Глеб

Роман

Давид

Ярослав

Олег († 1115)

∞ Феофано Музалонисса

от — Изыслав († 1078)

∞ Гертруда († 1108)

наложницы (?)

Мстислав († 1069)

∞ Ирина (Куцескула из Орламюнда?)

Ярополк († 1086)

∞ Святополк II († 1113)

Борис (1015)

Глеб (1015)

Феофана († после 1057)

∞ Остромир

Вышата

Святослав († 1076)

∞ дочь графа Дитмаршен (?)

Всеволд († 1093)

∞ дочь Константина IX Мономаха

Владимир Мономах († 1125)

Ярослав

Владимир Мономах († 1125)

Святополк II († 1113)

Святослав

Святополк II († 1113)

Святослав

Святополк II († 1113)

Святослав

Святополк II († 1113)

Святослав

Святополк II († 1113)

**Македонская
династия**

∞ Феофано († 896)
Лев VI 4 ∞ Зоя († после 920) († 912)

Константин Багрянородный († 959)

∞ Елена Лакапина

Роман II († 963) ∞ Феофано († после 987)

Елена (?)

Василий II Анна († 1011)

Константин VIII († 1028)

Зоя († 1050)

∞ Феодора

∞ Константин IX († 1056)

Мономах († 1055)

ОТТОНИИ

Отто II († 982)

∞ Феофану († 991)

Матильда († 1025)

∞ Граф Эю († 1034)

Рихиза († 1063)

∞ Феофану

∞ Мешко II, кн. польский († ок. 1056)

(† 1034)

Гертруда — Елизавета († 1108?)

∞ Изяслав, кн. киевский († 1078)

Схема.

Генеалогический комментарий к статье «Феофана Новгородская».

малого Сиона из новгородской Софии, исполненного к середине XI в. в Константинополе.⁴⁹ Конечно, Феофана — не ключ для объяснения всего, что связывало Новгород с Византией, но, несомненно, некоторые явления в культурной жизни северной столицы Руси могут быть все же соотнесены с ее именем.

Изображения евангелистов на первоначально обособленных листах, включенных затем в текст ОЕ, указывают на их византийское происхождение. Если имеются основания полагать, что эти миниатюры были заказаны или просто приобретены вне Новгорода, должны быть также приняты во внимание сношения Остромировой супруги с Константинополем. Разумеется, художественная связь миниатюр с Константинополем должна быть более подробно доказана. Очень хорошо выделанный пергамент Евангелия, как и первую миниатюру с евангелистом Иоанном, действительно, следует признать продуктом византийских мастерских. Само название Феофаны по имени нужно рассматривать как косвенное указание на ее соучастие, посредничество в деле украшения Евангелия. Особенности положение Феофаны проявилось, кажется, и палеографически: создается впечатление, что писец Послесловия написал имя Феофаны на 1—2 мм (?) более крупными буквами, чем имя самого Остромира и все имена названных в Послесловии князей, которые сохраняют точно формат его письма.

Возвращаясь же к первой, «выходной» миниатюре с евангелистом Иоанном, следует указать на ее отличие от остальных и тем, что, кроме символа евангелиста, вне поля изображения вверху вписана фигура льва (рис. 2). Если воспринять то византийское изложение символа льва, которое отметил в середине X в. епископ Кремоны Лиутпранд: «Leo, id est Romanorum sive Graecorum imperator» («Лев, то есть император Ромеев, иначе Греков»),⁵⁰ то открывается возможность видеть тут желание аллегорически отметить царственное происхождение новгородской Феофаны.

⁴⁹ Об исполнении этого серебряного церковного сосуда в Византии и связи с придворными кругами известно. Ср.: *Oikonommides N. St. George of Mangana, Maria Skleraina and «the Malj Sion» of Novgorod* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1980—1981. Vol. 34—35. P. 239—246; *Стерлигова И. А.* Малый сион из Софийского собора в Новгороде // *Древнерусское искусство: Художественная культура X — первой половины XII в. М., 1988. С. 272—286.* Можно предполагать, что этот литургический сосуд «Иерусалим», сделанный в Константинополе в первой половине XI в., мог попасть благодаря Феофане прямо в Новгород, а не окольными путями через Киев. И тут однозначности нет, но расширяются возможности понимания русско-византийских контактов в первое столетие после принятия Русью христианства.

⁵⁰ *Liutprandi Legatio. Cap. 40* // *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Darmstadt, 1977. Bd 8. S. 558/559.* Несомненно, это лишь одна из возможностей толкования символики льва, тем более что в выходной миниатюре евангельских чтений следует ожидать божественную символику, и лев как символ Христа хорошо известен. Кажется, что именно такому толкованию готова дать первенство Э. С. Смирнова. Разделяя это правомерное замечание, необходимо, однако, подвергнуть обсуждению и такую «земную» возможность. Нельзя, впрочем, исключить небесно-земную двойственность этой аллегии.